

Озеро Андриково, Андрикова заимка, Андрикова грива, Андриковский рям – в Соколовке знали названия и местонахождение этих угодий, пользовались их благами — косили сено, заготовливали дрова, рыбачили и охотились,

Но был ещё географический топоним, о котором, кажется, и слыхом не слыхали мои земляки, это Андриковский канал, хотя он начинался от впадения в реку Ичу прямо за нашим огородом, уходил вглубь угодий, проходя по территории деревни и района, принимая в себя излишние воды, и за деревней Новоплотново опять впадал в Ичу. И звался жителями как прокоп. Прокоп — значит прокопанный. Регулируя таким образом количество влаги на территории хозяйствования в паводковые периоды, притом, чётко реагируя на уровень в реке на обоих концах впадения — оригинальная находка русских геодезистов времён осуществления проекта. Различие уровней реки во время паводков заставляла работать канал в ту или иную сторону.

Мне, так уж пришлось, с малых лет были знакомы эти места, и не понаслышке.

Озеро Андриково было в одноимённом рямю, и при выходе из ряма, чуть восточнее, в мою бытность, ещё находилась остатка Андриковской заимки, рядом с околком берёзы и ивы, откуда, собственно, и начиналась возвышенность, называемая Андриковской гривой, которая в те вре-

мена колхозом засеивалась злаками, если двигаться от места заимки восточнее, а затем, уходя от болотистой местности слева, вправо резко – западнее, в сторону соседней деревни Верхичи.

Вопрос – что это была за личность, в честь которой столько топонимов, появившихся с конца 19 и начала 20 столетий в нашей местности, возник у меня не сейчас; предстоит (хотелось бы) выяснить ещё. А личность, кажется, была незаурядной. Просто так в честь кого-то топонимы не появлялись. Такое личному надобно было заслужить, плохим или хорошим.

К примеру, в той болотистой низине, где расположено озеро Андриково

в россыпи среди озёр, (кстати, по причине того, что проживал там в детстве, а позднее, как в дань памяти тому – я побывал на всех), наряду, с названиями Фёклино, Карповича, Брусничное, Саяпишево (Сайпишкино или Сайпишка в обиходе) и Королёво, есть и озеро по имени Фомкино. Так старожилы деревни объясняли последнее по причине существующей когда-то личности по имени Фома Вавилыч, имевший в обиходе кличку «Фомка». Когда и откуда появился он, никто толком и не знал. Отголоски молвы говорили, что во времена ещё становления спиртового завода купца Забелина, остатки оборудования которого я видел в детстве на противоположном берегу реки, прямо из окон нашего домика. Не

то белгий катаржник, не то просто варнак, живший в неразберихе тех времён в наших окрестностях, кажется, полулегально, и, по той же молве — так и не бросивший того ремесла. Как знать теперь...

Такое я и от мамы слышал, и она говорила, что ещё Фому Вавильча и сама в живую видела...

Андриково, Андриковка...

Всё это находилось в трёх километрах севернее деревеньки, что по историческим запискам сначала числилась как Толчина Заимка, с появлением спиртового завода, называлась Ичинский Завод, а после — Соколовка. С какого периода и по какой действительно были эти наименования, в честь кого или чего была названа деревня последним именем, с каким она и умерла? — предстоит тоже выяснить...

Какую огромную роль сыграло Андриково на первых этапах моей жизни, в моем становлении, в познании этого чудесного мира, окружающего нас!

Всего-то три километра пути в страну чудес, где сам-то путь не менее чудесен...

* * *

Конечно же, теперь я того первого путешествия и не помню. Без сомнения, это было летом и с мамой. Ибо помню, да это было в том околке у Андриковской Заимки, брали с нею смородину. Запомнились — сумрак влажного околка, жалящие без конца комары, трава в мой рост да тучные гроздья ягод дикой чёрной смородины. Тогда ли это было первое моё посещение Андриковки?

Но впечатления от тех первых путешествий остались навсегда. Надо было идти в эту страну чудес от нашего домика, что стоял крайним в деревне на берегу реки, через огород по цветущему лугу, где паслась скотина, и где полно кузнечиков, мимо болотинок, кишевших комарами да дикими утками. Переходить тот Андриковский канал (прокоп) по мостику, ещё сооружённому в период обустройства земель царским правительством — для переселенцев. Помню хорошо...

Мост был добротный из красного леса, с рубленными откатами с хорошей насыпью и ограждением. Также добротно и красиво выполненными. Можно было и переходить канал, когда он был без воды, чуть севернее. Далее — идти через берёзовые околки по просёлку среди цветущих трав...

Слева — солончак, поросший желтоватой высокой жёсткой травой, звавшейся мамой почему-то мятливкой, а среди неё, местами — по растрескавшейся земле, где множество шмыгающих под ногами перепёлок. И множество их яиц — небольших, рябеньких, отложенных прямо в трещинах земли. Которые мама не давала потрогать

даже — пусть курочки выводятся — а так хотелось!

А в небесах бездонных синих поющие жаворонки да «играющие солнышком» ястребы...

С геодезической деревянной тридцатиметровой вышкой — ставшей впоследствии (и по сей день) вехой среди чудных дней моего детства. ...

Справа от просёлка тоже луга с душистыми дымками цветущего лабазника, зверобоя, иван-чая — пред светлыми грибными берёзовыми околками, за которыми тот же Андриковский канал, уходящий к северу исполнять своё предназначение. По склонам поросший клубничником со сладкими ягодами — на открытых солнечных, а на лесных, где сохранялась вода — тальниками, кишашими змеями да выводками диких уток.

А далее чуть и сама Андриковская грива, всегда засеянная овсом, пшеницей, либо рожью с покосами на межполосциях среди околков и по склонам — царствие куропаток, тетеревов, и всё тех же диких маленьких курочек — перепёлок. Урожай ржи всегда были отменными — она стояла стеною много выше человеческого роста. Доводилось несколько раз мне и заблудиться в этом колосистом очарованном море. Но всегда выходил благополучно. Перепачканный пылью, промоченный росами, измотанный нелёгким блужданием, а когда и жарою с неизвестностью, а выйдя, всегда, взобравшись куда повыше, будь это пень или дерево, оглядевшись, находил и дорогу домой, и рям, и озеро, и свой покос, и убредшую колхозную лошадку, на которой мама возила сливки в Верхичу да почту обратно. Всё оттого — с какой целью бродил я по этой скачной стране, забредая куда угодно, и — в рожь из-за искомысли цели или сократив пути к ней...

А с гривы — то, через болотинку — вот он и рям с озером. А там — свои обитатели пернатые и иные.

Разнообразен мир их.

В мои семь — восемь лет, и даже ранее были у меня неоднократные встречи и со зверьём. Которого я почему-то ну никак не страшился — не потому ли, что преобладали во мне совсем иные чувства: любопытство, тяга к познанию, любовь ли к ним, если так можно это объяснить. Помню только — очень-очень хотелось погладить по перу или шерсти кого-то из встреченных в этой сказке обитателей А позднее, со смертью отца, когда в моих руках оказалось его ружьишко, ещё азарт охотничий, и всегда манящие дали окрестностей...

И потому встречи с зайцем, лисицей, барсуком, волком, косулей, лосем, любыми пернатыми, познание новых территорий, лесов и многие другие эпизоды из того

времени надолго оставались в моём восхищённом сознании, обогащая мои навыки и опыт жизни, украшая мой характер, удобряя душу мою и делали счастливым, что позднее отобразено в очерках и рассказах...

* * *

Первые мои трофеи на рыбалке и охоте, где опыт этого взрослого мужского ремесла приобретался самостоятельно и с трудом великим — подсказать-то некому было. Танцующие журавли на весеннем лугу, лебеди на водной глади озера, тренирующие к полётам молодежь свою, клубок осинового гнезда, встреча с лосем во время гона, с косулей и её детёнышем, утка дикая на гнезде, комбайн, убирающий хлеба, весь в клубах пыли и половы, подьёмы на немыслимую высоту по ветхим уже лестницам той геодезической вышки, обзор окрестностей оттуда, рассветы и закаты, опасный камышовый кот, которого тоже по-счастливилось встретить, клубки ядовитых змей, готовившихся к зимовке, и совсем не детская работа — на колхозном покосе с ночёвками, и косьба вручную, уборка сена и заготовка дров с мамой — чтобы выжить, синие ливни и грозы, нудные осенние дожди, грибы и ягоды — всё помнится, помнится...ценно и дорого...незабываемо!

Всё из пречисленного увидено, пережито и пройдено уже было мною к этому времени. Навсегда и красочно отпечаталось в сознании моём мальчишечьем так надёжно и дорого, что и сейчас ощущается. И это навсегда...

Помнится моё любование смётанным впервые собственноручно стожком, или лугом, тобою уставленным копёшками сена, срубом для новой баньки или поленицей расколотых и сложенных дров своими руками, которые ноют водянистыми мозолями на ладошках, а поясница и плечи ломаются приятной усталостью, а взгляд наполнен гордостью за плоды трудов своих, сделанных честно и правильно. Взрослением...

Помнится, всё помнится...

Листопады, снегопады, звездопады августовские хвостатые над Андриково, такой вкусный и чистый воздух, настоящий, на хлебном колосе, берёзовом листе, озёрной воде, травах, рямовой хвое. Такой же необычайной вкусноты и серебряной чистоты его приносили оттуда ветры в Соколовку... помнится...

Где-то в очерках упомянуто мною, что Соколовку на грани 60-х объявили «неперспективной» и жители её, земляки мои, хочешь-не хочешь, стали покидать родные места. Мы с мамой и сестрёнкой тоже готовились к этому. Но в последний момент не захотела, воспротивилась душа моя расставанию с этими благословенными

райскими окрестностями, родным гнездышком у реки, когда уж и остатки скарба, и мама с сестрёнкой были в грузовике. Выскочил я, прихватив ружьишко, спрятался в бурьянах и не отозвался пока не уехали без меня. Прожил там в одиночестве неделю. Ночью на полу в пустом родном доме, бродя-прощаясь по окрестностям, добывая пропитание ружьём и удочкой на реке да в Андриковских просторах.

* * *

Стояли последние дни сентября 1961 года, ясные и солнечные, прохладные. И вот события тех дней, связанные с природой, принесли мне эпизоды, картины которых помнятся до мелочей, спустя столько-то времени...

Проснулся на полу под шестком большой русской печи от брезжащих в окнах сумерек, да оттого, что было жёстко на голом полу. Все ночи так спал — казалось так надёжнее. А спал не раздеваясь — в сапогах кирзовых, в брюках и ватной телогрейке и кепке, ружьишком в изголовье. Чтобы встать и — ко всему быть готовым...

Светлело. Но, кажется, ни от того проснулся, а от мыслей, нахлынувших в мою мальчишечью осознанность: всё равно придётся покинуть всё, за мной, наверное, приедут. Вон ещё стол кухонный остался, вот ещё листы — поддончики железные, на которых мама пироги пекла в печи.

Как жаль всё бросать — дом, огород, мости у реки под берегом...

И потом — всякое разное: патронов осталось всего шесть из шестнадцати прихваченных с патронташем. Патроны можно было купить в магазине сельпо в Верхиче соседней. Подай деньги и получи — и даже никто не спросит сколько лет тебе. С дымным порохом пачка в десять штук стоила всего-то один рубль и пятнадцать копеек, с бездымным — дороже на десять копеек. Но денег всё равно нет...

Можно попросить у дяди Пети Николаева — у него такой же калибр двухстволки — даст, поди... Только когда и как вернуть будет даже гильзы пустые. Без отдачи — нехорошо, да и стыдно попрошайничать. А без патронов как? Вчера два выстрела в белый свет, как в копеечку. У прокопа утром за огородом в реке щуку приметил на мелководье греющуюся, стрелил по ней, да ошибся с поправкой на водяное светопреломление, Ушла. Да ещё выстрел впустую по куропатке, когда вечером возвращался с Андрикова озера... по летящим плохо ещё стреляю... жаль заряды...

А у мостков ставил закидушку с живцом, так оказалась оборвана вместе с крючком... последний такой большой крючок — тоже щука...леса-то была без тросика. Крючок заводской с бородком...

И хлеб кончается... чёрствая буханка выручила, в угловом шкафчике кухонном забытая, а такая вкусная, но и от неё краюха осталась. С ухой ли из пескарей да картошки мелкой, что в огороде насобирали, или с супом из утки... Крякух на речке полно — летают на поля хлебные, да сторожки больно стали. Но везло — всяко изловчался, подползал на выстрел, добывал, лазил в студённую реку за добычей, теребил, опаливал на костерке, потрошил, варил в котелке на улице у реки на кирпичках, или в доме на плите...

* * *

Третьего дня умчался на Андриково озеро. Ещё при подходе через рям издали услышал я гвалт птичьего базара. Услышав шум, и видя густые стаи уток, подлетающих к озеру и слетающих с его, свернул правее, потому что подход по просёлку у озера был как на ладони, что делало невозможным подойти скрытно. Страсть охотничья и азарт, спешка душили меня, отчего сердце моё, кажется, грохотало на всю округу, но рассудок и интерес взяли верх: стрелять не буду — решил — потому как озеро было черно от уток различных пород и расцветок, стайки гусей в отдалении, и пятак лебедей, зачем переполох им всем, да и вода холодная, и подойти по трясине, как и сплавать за добычей, рискованно. Только заряд да птицу загубишь зря, посмотрю только. А смотреть такое мог часами, если бывала возможность, нравилось...

Кое-как подобрившись скрытно ползком, намочив колени и локти, раздвинув осоку наблюдал это великолепие — предотлётный сбор водоплавающих, что каждую осень происходило на этом озере. Такое я видел не впервые, но только издали, а теперь так близко, в самом разгаре, не потревоженно!

Тут, рядышком, совсем за моим укрытием огромная густая стая чирков, суетились на мелководье, добывая пропитание. И, они, кажется, заметили меня — никак не реагировали. Далее — стаи чернети и кряку, острохвостых, саксонов широконосых — где обособленно, где смешавшись, даже с гусями, тоже кормились. И что интересно — никакой суеты, гвалта и крика кормящиеся не издавали. Всё это рождалось только прилетавшими и улетающими стаями...

Каким-то чутьём понимал, что свершается что-то важное в самой природе, настоящее и обязательное пред предстоящим более важным — это угадывалось, к чему так слаженно и усердно готовились пернатые, потому и я глушил этим пониманием свой азарт перед потенциальной добычей, да и интересно-то как!

И, налюбовавшись, отполз назад в сторону сосен и брусничника, прочь — от кишевшего живностью озера...

* * *

Вышел к Андриковской Заимке. Нынче с мамой мы поставили здесь два стожка для нашей бурёнки Марты и её годовалой нетели Апрельки, и овец. Этот стожок металл я, потом подавала мама, а я вершил. Пырей вовремя скошенный, да вязиль — духмяное сено. Пахнет цветами, мёдом, полем и солнышком. Посидел под стогом...

Второй стожок из осочки, что в низинке у ярма, прошёл я мимо — там солнышко печёт, а здесь прохладно у леса. Метали тот перед дождём, прихватив ночи, успели. Домой в фургончике ехали прикрывшись брезентовым плащом под грохот и вспышки молний, вымокли до нитки. Гнедко, фыркающая, тасил сам фургончик в темноте, всё понимая. Мама крестилась с каждым раскатом грозы, благодарила Бога — успели сложить сено до ливня — вспомнилось...

Пошёл в околок — поел костяники, шиповника — пить хочется. Да и поесть бы... Кус хлеба в кармане пиджачка, но есть пока не буду — хлеб-то последний, ещё кусок от краюхи дома остался.

Пора и домой. Побрёл через поле пшеничное, ещё не убранное. Надо и на ужин что-то придумать.

Навстречу попались два комбайна. Машины для меня тогда диковинные, громоздкие, без кабин для комбайнера. С одной из них окликнул, помахал знакомый дядя Паша Макаров. Я тоже — в ответ. Наверное, пшеницу едут убирать.

По пути к дому потратил зря заряд — вылетали куропатки. Но влёт больше не стал стрелять...

Уже в темноте выудил с мостков с десятков крупных пескарей, в темноте сварил без соли, без картошки, поел с хлебушком. Пошёл на соседний огород тётки Лукерьи Нестеренко, картошка выкопана, сорняки убиты заморозками, а паслёну хоть бы что. Паслён там хороший был — ягоды крупные, сочные. Полакомился...

Вошёл в дом. Луна вставала над окрестностями. Ходил, заглядывал в окна. Без света. Электричества до нас не дошло, а фонарь да лампа керосиновая увезены на новое место жительства. Вышел на крыльцо. Ещё не погасла на западе полоска зари, над Андриковым металась причудливые клубы света, доносился гул моторов — мужики убивали пшеничное поле, грузовики вывозили зерно. Оттуда вкусно тянуло запахом хлебного колоса...

В другом конце небес ещё играла зарница и сыпались хвостатые звёзды, оставляя на мгновение светящиеся хвосты...

Луна осветила реку, омут, камыши и бурьяны на пустырях усадеб бывших соседей — тётка Маша Тюрина с дочерью Галей, Тамарой, Валею переехали уж два года назад на хутор, {бывшая ферма купца

Забелина) так называли вторую Соколовку, Там ферма колхозная, техника, амбары, пасака и пятьдесят дворов.

Дальше – бурьян на усадьбе тётки Елены Черновой, они уехали уже года четыре назад, зачем-то срубив и берёзки подростящие на месте бывшего очага.

У тётки Лукерьи свет горит, а полдома, что за стенкой занимали соседи Напалковы, вывезено – дедушка Архип умер пару лет тому назад; уехали год назад тётка Шура с Вовкой и бабушкой Ефросиньей в город, тётка Сима их туда перевезла. Там бурьян ещё маленький. Дальше по изгибу реки тоже шла улица — у дяди Лёни Переверзева свет горит. Дальше ещё дома стоят с жителями. Луна всё хорошо освещает – дома, омут, камыши...

Жалко деревню... за что её объявили неперспективной...

Страшно, особенно ночью, смотреть на бурьяны высокие, а когда ветер, они качаются и шумят, кажется, что кто-то за ними прячется Страшно...

Вот, помнится, на месте избы Тюриных, заросший уже, обвалился подпол, так в этом обвале выпал скелет человеческий в сапогах, ещё с саблей на ремне. Так взрослые его там же и землёй засыпали. Говорили — с гражданской ещё. А перезахоранивать — прах тревожить — не надо, мол. Он и теперь где-то здесь в земле. Но я привык к этому осознанию, и не страшно...

На другой стороне реки — там бурьяны давно, дальше лес, за рекой бак блестит от спиртзавода бывшего... Там давным-давно и начиналась когда-то настоящая Соколовка...

Дальше — правее в окнах — изгибы реки, за ними лес. Околок глухой, откуда зимними ночами доносился вой волчий. Там, говорят, колчаки партизан расстреливали. Но было это давно...

А теперь всё в лунном свете... красиво. И несколько не страшно...

* * *

Утро новое опять началось с тех же размышлений недетских — зачем же деревню так объявили? А куда теперь всем людям? И ещё — хлебушка кусок последний остался, а вчера на утро я ничего не добыл. Выхожу опять на крыльцо в ночь, ещё не ушедшую. Со стороны Андриково комбайны идут, фарами светят. Догадываюсь — убрали там пшеницу...

Светало... просвистела надо мною стайка уток ночная, плюхнулись у наших мостков. Так всегда — раздолье тут для них... для всех раздолье. Всем тут хорошо...

Но мелькает мысль — утки тут рядом. Захожу в дом и нащупываю под шестком ружьё, крадусь к берегу. Утки плещутся

прямо у мостков, в проточе чистой от водорослей, теперь хорошо заметные на воде в редящем сумраке, и вода волнуется. Выцеливаю. Выстрелом оглушён, ослеплён вспышкой на мгновение. Но бросаюсь под берег — есть добыча на завтрак, раздеваясь, прыгаю в студёную воду...

Удача да купель студёная освежили меня, оттащили от мыслей тоскливых. Пора и завтрак готовить. Уточка небольшая, из породы серых. Развожу в плите огонь, для чего ломаю хворост из тына на огуречнике — дрова вывезли уже, а тын-то кому теперь? Теряю птицу, опаливаю на кончиках пламени, вытащив кочергой круги на плите. Потрошу птицу. В варёво бросил, искрошив морковку да огуречик, маленькую луковичку да побуревшую метёлочку укропа, найденные на грядках. Тётка Лукерья, увидя дым из трубы, заглянула, удивилась. Повела к себе, дала хлеба краюху да соли коробок спичечный. Пришёл домой, посолил варёво, поел горяченького, Остаток оставил на обед...

Мои неугомонные мальчишечьи и душа, и тело, разбуженные и взбодрённые обстоятельствами, в которые я попал, несмотря на ранний час, требовали действий и поступков. Краешек дневного раскалённого, но холодного ещё светила показался за лесами, что на противоположном берегу.

Ходил по пустому дому, громыхая кирзачами, опять заглядывал в побледневшие окна, разглядывая окрестности, ещё ранее чуть освещённые бледным лунным ликом, теперь же, оживающие с первыми солнечными лучиками...

У тётки Лукерьи теперь тоже дым из трубы печной идёт. За рекой в бурьянах паслась сегодня колхозная скотинка и лошади. Стайка уток мелькнула над домиком, приводнилась в реке поближе к омуту. Кольнуло азартом, искорку которую погасил тут же — еда есть ещё, а патронов осталось мало...

Чайки речные молча барражировали прямо за окнами, высматривая рыбёшку в охладевшей обмелевшей реке. Изредка пронзительно вскрикивая. Доносились с живущей ещё деревеньки звуки. Вышел на крыльцо, оглядел просыпающиеся окрестности, налитые осенними красками. Мостик через прокол, пустая дорога из околков со стороны Верхичи, откуда мы с сестрёнкой всегда поджидали маму на фургончике, везущую почту. Правее, в сторону Андрикова, тоже – порыжевшие берёзовые колки, вышка геодезическая, дорога, вечно манящая...

Взгляд упал на заросли конопли. Пошёл, расстелил телогрейку, надёргал спол спелой конопли, положив на фуфайчку, наколотил палкой семени. Подсушить бы... отваял на ладонях, засыпал в карманы

штанов. Хорошо-то как — всё привычно, всё красиво, и небеса, и дом наш такой хороший, и река, леса за нею... красиво всё. И так дорого всё, зачем же так деревню объявили?...

Хожу по ограде, собственно никакой ограды-то и никогда не было. Дом на пригорке, за ним огород, за огородом луг с болотинкой, дальше поля, леса, перед домом река. Вдоль реки ограда огорода, замуравлённый проход — проезд. За рекою простор — всё уже сказано. По тропинке вдоль реки от дома справа — банька наша, огород тётушки Лукерьи Нестеренко, луг, поле, небольшой овражек к реке, в нём недавно ещё барсук жил. Потом ушёл от людей подальше...

Хожу, жую семя конопли — вкусно, сытно. Поджарить бы, подсушить хотя бы. Размышляю: дело бы какое... но какое дело? — жить — то теперь не здесь... Кольнула такая догадка, опечалила, присел на берёзовых козлы, сделанные мною же, на которых с мамой дрова ручной пилой пилили...

Вспомнил вчерашнее на озере. Столько птиц! Да — там всегда всё интересно. Наверное и сегодня птичий базар. Беру ружьишко, запираю на большой висячий замок дом. Через огород, где на длинных стеблях подбитые морозцем отцветают мальвы. Их никто никогда не сажил — растут, цветут сами среди картошки. Картошку выкопали, а мальвы остались.

* * *

По лугу среди болотцев, высушенных за лето, а теперь с высокой осокой, попутанной скотом деревенским. По дороге дальше — среди польнок перехожу высушенный почти досуха пропок, мимо вышки слева, что среди мятлики; трава эта высокая и летом, и осенью одного цвета — желтоватого, справа у околков лабазник отцвёл. Иду...

Дохожу до гривы с полем пшеничным... поле убрано, уставлено копёшками соломы, пахнет на поле вкусно, колосками. По нему теперь легко ходить, оно как бы подстрижено...легко с разбегу, отложив в сторонку ружьишко — и в первую духмяную копёшку. Мягко, весело, приятно. Оглядываю полюшко — копёшки, копёшки жёлтые, убрано чисто-чисто до последнего колоска, и в уголках среди околков. А ночью ведь убирали!

В самом конце — к низине, что с торца гривы, где ещё два стожка наших, на берёзках косачи расселись. Там недалеко от места, где в прошлую осень меня сохатый на берёзе ночь продержал...

Полежал на соломке духмяной, в небушко глядя — мягко-то как... не то, что на полу голом под шестком...

Поднялся, пошёл в сторону ряма по-

перёк поля на гриве. Солнышко яркое в спину мне, пригревает; над озером сегодня тихо и нет стай. Что озадачило меня. Только коршун летает, а уток, гусей не видать. Да туча тёмно синяя сплошняком с севера наползает, ветерок с её стороны холодит. Решил по дороге через заход не идти, а — напрямки. Мимо стожка своего, по кочкам, с осокой желтеющей высокой, что по ветру мотается, иногда и выше меня, что и озера не видать — против ветра, так незаметней. Шёл, шёл, продирался, кирзачи хлопали, увязали в лабзе появившейся. Огляделся — на глазах увеличивается и чернеет туча страшная. Хотел уже назад, но ветер пригнул в порыве камыш у воды, осоку — блеснула водная гладь в стороне. Казалось — близко озеро. Хотел туда пробираться, но чуть в сторону — и вода в сапоги заливается. А напрямик, ничего не видать — камыш да трава высокая, зато сухо почти. Продираюсь напрямком...

Ветер вдруг стих, и туча как бы увеличиваться перестала. А озера не видать...

* * *

Оглядываюсь, на кочку приподнявшись. Кажется — вот озеро, рям правее, а туча больше полнеба заполонила грозная, за мною солнышко — во всю мочь, необычная, странная картина. Оттого и вода проблискивает подальше синяя — пресиняя. А здесь, ближе — будто бы белеет что-то, но кочка не устойчива и я соскальзываю ниже. Увидел только, что за камышами пустынно, чисто озеро, а поближе — белеет что-то. А ветерок есть всё же, воду морщит, а туча... туча, туча надвигается. Забирает у солнышка пространство. Продираюсь к озеру молча, стараясь потише. Ещё метров несколько и оглядываюсь. И показалось сквозь камышики, когда ветер в порыве пригибает — будто снег на воде лежит хлопьями, и ещё — чутьём каким-то почувалось — живности там полно. Душа моя живые души чувствует, не важно чьи. Верно это — чувствовал. Не поспоришь тут...

Ныряю в кочки — спугнуть боюсь. Мешает двигаться ружьё — прислоняю в кочке прикладом вверх — не потерять бы...

Теперь мой приоритет не охотничий — а просто любопытство неугомонное через край, что не каждому дано. И сам не пойму — зачем всё. Фотоаппарат, о коем мечтал, нет ведь всё равно. Да какой тут, фотоаппарат, где взять-то его, у мамы заработок — один трудовень и двадцать пять сотых в день, а что на них дадут — к концу года скажут... деревню, вон, рушат...

Но...увидеть... увидеть хочется. Наконец, наконец среди былинки осоки густой... синее, белеет что-то... и звуки, звуки. Клики таинственные, полные волшебства: «Кро-н-к..к, кро-н-нк...» Знакомые, не-

громкие, размеренные, кажется — один лебедь всего-то кличет. Но там бело с краю озера...

— Лебеди, лебеди это, — мелькает догадка, — сколько же, сколько же их тогда тут, там бело и там бело на водной сини.

Да и как разглядеть, если голову прятать, чтоб не заметили, склонив, то как разглядеть? Чувствовалось — птиц там множество...

Решил: продвинусь, чуток ещё, слетят так... всё равно — хоть посмотреть. Вжавшись в сочившуюся водою почву, меж высокого кочкарника в осоке, осторожно, очень осторожно, вывернув глаза исподлобья, увидел перед собою на синей воде целую армаду сказочных белых птиц.

— Увидеть-то увидел, но и они своим множеством глаз тоже меня могут увидеть, — соображаю я — а увидят, так и улетят. Для чего же я тут прячусь, ползу из последних сил по лабзе? Вот и уже колышется зыбун вместе со мною... и кочки тоже, от этого им ещё лучше меня приметить. Ветер вырывает ещё -колышется всё...

И эта мысль заставляет меня вообще замереть, затаиться меж кочек, не дышать даже, соображая, как же дальше? Решения не находилось, оставалось только одно — ползти среди кочек до камышков.

Ползу по зыбуну, слегка поросшему травинками, благо — кочки высокие, я незаметен, вслушиваюсь в то, что же происходит там, за кочками, камышами. Ползу осторожно, стараясь ни булькать, ни чвакнуть в жидкой грязи, что на пути попадается. Ещё немного и — попадаю в своеобразный тоннель среди кочек, сверху надёжно укрытый высокой осокой. Здесь даже суше, просторнее, но ещё ничего не видно. Огибая оказавшуюся на пути кочку и... светлый простор до самой озёрной синей воды за высокой порослью осоки, рогоза и в конце самом — камышей реденьких, что под ветерком колыгаются. Но из-за них тоже ничего не разглядеть. Угадывается только синь водная да мельтешенье чего-то бело-ватного, откуда доносятся негромкое, размеренное, над водою звонкое «кро-он-к», «кро-он-к», возникает вопрос — кличет только одна птица отчего-то, хотя их множество.

Делаю ещё несколько «шагов», если можно так обозначить моё передвижение. Локти, колени мои и живот теперь в выступившей водичке. Но ни передохнуть сесть, ни встать у меня ни выбора, ни возможности. К везению моему, смог опереться на подобие небольшой кочки. Взбираюсь повыше локтями, сбросив кепчонку для маскировки — волосы-то мои выцветшие на солнышке да нос облупленный в траве и кочках мало заметны. Смотреть как-то надо, раз увидеть хочется. Осмелел, повы-

ше локтями взбираюсь на подвернувшуюся опору, таращусь на озеро во все глаза. Увидел... увидел: лебедей полно, белым — бело на синем озере, причём, именно в этом уголке озера, куда я и направлялся — удача-то, удача...

* * *

Но что это — непонятно для меня, чего они сгрудились в этой небольшой заводи толпою? Оттого казалось издали, что будто льдины или снег на озере. И все ко мне спинами, вся стая повернута к озеру. А плавает перед ними один только лебедь и кличет негромко. Целый лес шей изящных с клювами яркими поворачивается в сторону его движения. Плывёт не спеша вдоль стаи, но бурнчик синей воды вздымается перед его грудью. Проплыл вдоль шеренги сородичей влево, развернулся плавно, опустил носик оранжевый в водичку озёрную тёмно — синюю раз-другой, картинно, изящно, начал движение вдоль шеренги обратно, клича пронзительней, звонче. Плывёт медленно, задумчиво как бы, склонив головку изящную свою, словно любуясь отражением своим в воде. При этом каждый в шеренге этой ангельской, с кем он поравняется, так же опуская свою головку, будто в почтении. Так и плывёт вдоль шеренги, ничем не отличимый от других, лебедек, которого я тут же про себя вожаком окрестил, вдоль выстроившихся сородичей, и каждый из них при его приближении склоняет головку, а отдаляется он если — каждый выпрямляет шею.

— Кро-о-нк, кро-о-нк, кро-о-нк, кро-нк...

Доплывает до конца строя, рассыпая размеренно свои волшебные — таинственные клики, поворачивает и плывёт обратно вдоль. И так раз несколько.

Притягательно, завораживающе...

Засмотрелся на такое, забыв про осторожность, приподнявшись на своей опоре, подвернувшейся кочке маломерке. Что же дальше...

Но замечаю — набрякла туча чёрной синью, под тяжестью которой опустилась над озером, не над водою едва-едва, и движется в мою сторону, с северной. Оставляя солнышку, что за спиною у меня, немного совсем небесного свода. А между тучей и озером, рямом и окрестностями пространство метров в пятнадцать, и меньше, может, потому как верхушки сосен рямовых уже в этой туче не просматриваются, такого — вот, я ещё и не видывал!

А что под тучею, там всё играет яркими красками, куда ещё проникает яркое и жаркое солнышко, что за моею спиною. Солнышко, понимая это, расплывается во всю мощь свою и светом, и теплом. И даже ветер под лучами его жаркими, что то ли сам нёс тучу эту страшную, то ли сам исхо-

дил от неё, вдруг притих, испарился будто. Отчего туча совсем отяжелела, ускорила своё движение, наваливаясь всюю своею тяжестью на окрестности, рям, озеро, гриву со свежими соломенными копнами, рыжие околки и травы. Отчего на солнечной стороне всё заиграло ещё сильнее яркими осенними красками. Уж и голове, и спине моей жарко. Дымится испареньями одёжка моя мокрая. Всё бы ничего, но туча...туча эта страшная...

Несёт она что-то с собою...

Опять неотрывно смотрю на озеро.

Туча, туча, что-то всё же несёт она необычное. Это чувствовалось-предчувствовалось моим неискущённым мальчишечьим чутьём. Вот и ветер притих, не трясёт ни травы на кочках, ни камыш, ни розог у самой-самой водицы бухты...

На сборище белых птиц никаких существенных перемен. Тот же строй — армада белоснежная, а впереди тот же плавающий лебедь-вожак с размеренными кликами «кро-о-он-к», « кро-о-он-к», похожими на напутствие, увещевания. Казалось — ничего...

Всё случилось в одно мгновение. Приподнялся вожак на водной глади, наострив крылья свои и произнёс свой клик — призыв громче обычного. И вся стая армада белых птиц побежала по воде под занавес чёрной тучи на север, на север, помогая при этом крыльями топ-топ-топ, шлёп-шлёп-шлёп. Заполняя этими звуками пространство между водою озера и до предела снизившейся чёрной тучей. Да ещё сухими звуками шума крыльев.

— Всё, — подумал я разочарованно, — вспугнул своей неосторожностью...

Однако я ошибался. Убежав-улетев, под покров садящейся тучи, лебеди, где-то взмыв над озером, носились над окрестностями, и были слышны клики их вожака.

— Не улетели. — с облегчением пришла ко мне мысль...

Однако всё предшествовало неизбежной какой-то развязке. Солнышко на оставшейся своей узкой части небосвода, что оставался за мою спиной, изливало всё более тепла, буквально жарило и затылок мне, и спину.

И развязка произошла...

Сначала мне показалось, что это солнышко от напряжения лопнуло за мою спиной, вызвав последующие явления в атмосфере. В частности — чёрная туча совсем накрыла озеро и окрестности, едва не достигнув меня в кочарнике, в следующее мгновение резкий порыв холодного ветра стал рвать ослепительными молниями эту холодную темень. Лебедей и не слышно, и не видно!

Но с порывами ветра и грохотом молний мелкая пернатая живность как бы выдува-

лась со стороны озера в мою сторону, в сторону солнышка, что у меня за спиной — мелкие кулички, камышовки, теснимые тучей и холодным ветром...

Последней, кажется, из этой преисподней вынесло пустельгу, она ошалело кувыркнувшись, присела рядышком со мною между кочек, а придя в себя полетела к гриве, уставленной свежими копнами соломы и освещённой щедрым солнышком... Затем из этой преисподней стали вылетать лебеди, чего уж я и не ожидал. Причём, вылетали они на уровне человеческого роста, видимо с той заводи — прекрасные величественные птицы. Поодиночке так же тянули к солнечной гриве, обдавая меня воздушными струями своего дыхания и ветерка, исходящего от их прекрасных могучих крыл. Отчего душа моя была в невероятном восторге. Ведь эти белые ангелы пролетали совсем-совсем рядышком — на расстоянии вытянутой руки И совершенно не боясь меня, как полагаю, оттого, что сам я был той частицей срединной обитания, в которой жили они! Да — кажется, это так и было, особенно в те последние дни моего пребывания в тех родных соколовских просторах!

Поодиночке, по двое-трое они тоже улетали в сторону солнечной гривы, и как я полагал, что мы с ними больше не увидимся, но судьба уготовила ещё одно чудное видение, которое запомнится на всю оставшуюся жизнь...

Природа в тот миг, как бы одумавшись, прекратила свару стихий, приподняла чёрную тучу, что застила окрестности озера и ряма, перекрасив, отмыв её редким дождичком, отчего приобретает синий цвет, громада стала удаляться, навесив над всем этим огромную семицветную летнюю радугу. Удаляясь, громада как бы веселела, легчала, приобретая всё более весёлые летние оттенки, освобождая часть небес для царствия солнечного божества. Отчего всё засияло естественными красками, характерными для данной осенней роскошной поры...

А лебеди... лебеди... их-то уже я и не чаял увидеть...

Сгруппировавшись в солнечной части небес — над гривой и лесами, они строем сделали новый торжественный облёт над озером, рямом и окрестностями, на фоне сияющей удаляющейся огромной тучи в обрамлении семицветной радуги. И сделали почему-то низкий заход над тою заводью близ меня, так же вынырнув вереницею, подарив ещё раз моей мальчишечкой душе те неповторимые ощущения, что я испытал только что. На этот раз взмыв в весёлые сияющие небеса передо мною. Очарованный таким великолепием, я даже сообразил пересчитать их — двадцать восемь велико-

лепных белых птиц с красными клювами и такими же лапками. И ещё один — о, чудо! Чёрный...чёрный лебедь!

Это всё помнится с восхищением до сих пор, не забывается.

Таким вот запомнился этот последний день моего детства. Последний из семи дней моего отшельничества на родной Соколовской земле.

* * *

А у дома меня ждал грузовик с мамой и зятем Николаем. Приехали за мною и мелочью из оставшегося скарба. Хорошо помню — снял я со стены календарь-численник, как говорили тогда, который достоверно показывал 28 сентября 1961 года.

Сентябрь 2019 — Январь 2020 г.

МАМИН ХЛЕБУШКО

Очерк

Собственно, это тёплое «мамин хлебушко», родилось у меня далеко не в те, исчезающие в приятной голубовато-солнечной дымке, времена детства. Хотя нас, послевоенных, с малых лет приучали уважению к хлебу...

В отличие от нынешних детей, я со своих тех лет уже знал, откуда и как берётся хлеб — хлебушко, как говорили взрослые. Мама моя знала множество присказок — пословиц и поговорок, и о хлебе, к примеру, «Чёрный хлебушко — калачу дедушко». Да ещё, еще... всяких разных, перед каждой работой, на каждый случай ею произносились несколько таких выражений — мудрых и чётких. К примеру «Хлеб — всему голова» были услышаны из маминих уст В. Балачаном в сентябре 1966 г. и тут же записаны в блокнотик. А уж потом, в 1970 по радио услышал я знаменитую «Хлеб всему голова...»

Первое, что мы знали о хлебе, было главное — его нужно заработать трудом...

Эти круглые буханки, что раз в неделю и на неделю выпекала мама, начиная хлопотать ещё с полуночи, а то и с вечера, часто заглядывая в квашонку — небольшую, ведра на полтора деревянную бадейку, установленную в месте, где потеплее. Подсыпала муки, подливала неоднократно водички, подбивала — помешивала, доводила тесто. Месила и руками, заботливо, предварительно смочив их водицею. А потом, по одной ей только известной примете, что тесто «дошло», порциями доставала и выкатывала, мяла, формируя в буханку, припудривая мукою. А сформировав в буханки, высаживала на деревянной лопате в горячую русскую добрую печь. На

которой зимою, и я частенько не прочь был погреться, слушая и фантазируя мелодии завывающего на разные голоса ветерка или тёплых дымных струй в печной трубе.

Готовый, так празднично пахнущий хлебушко, только что испечённый и горяченький, она в наклон ставила буханка к буханке на широкой, выскобленной добела лавке, застелённой льняной холстинкой. Накрывала такой же чистенькой тряпочкой, и чуть свет уходила на работу.

Хлебушко тут и хранился. Его отсюда брали для еды, всегда аппетитно пахнущий, вкусный и, почти, никогда не черствеющий.

Краюха такого хлебушка всегда была дорога и желанна, уважаема всеми — на школьной ли перемене, на работе, в лесу или на рыбалке с удочкой на реке, где мы частенько пропадали летом. Его можно было съесть и всухомятку, и припивая водицею — просто как еду, и вприкуску — с чем «Бог послал», можно было и за столом скушать с молоком. Всегда был хорош и желанен он. Сытно и приятно...

Ещё помнится — дрожжей-то в распоряжении деревенских хозяек тогда не было, хлеб пекли на закваске собственного приготовления, рецепт таковой знала каждая деревенская женщина. А случилось, что «пропадала» закваска у хозяйки, по какой-то причине становилась нерабочей, а приготовить было по времени некогда, то и выручали соседки друг друга. Испечь-то хлебушка надо было всегда вовремя для семьи. Так и это помню...

И — как оказалось — теперешние дрожжи в хлебе вредят нашему организму.

Знал я и не понаслышке, как растёт хлебушко — не раз и не два проходя мимо колхозных нив летом, идя по грибы, ягоды или на покосы. Красивое зрелище! В те времена нам, шести-семилетним уже особых скидок не было со стороны взрослых. Трудились без оговорок, где посильно было...

Муки тогда в магазинах сельпо не покупали, да и не помню я, чтобы торговали ею. Но торговали изредка — знаю. А вот на колхозную мельницу, куда меня мама брала с собою, когда на лошадке везли для помола заработанное ею зерно, рожь или пшеницу, приглашала. Там были целые чудеса...

На берегу реки (во второй Соколовке, называемой тогда хутором) прямо под открытым небом стоял настоящий паровозный локомотив. Пыхтящий, свистящий, шумно источающий струи пара, сверкающий механизмами, вращающимися и движущимися, что было привлекательно для нас, ребятишек. Всё это казалось чудом. В качестве топлива в топке употреблялись берёзовые дрова...

Обслуживал его Лоок Адам Янович,

коренной, в одежке белой от мучной пыли, эстонец из ссыльных, я и сейчас представляю его с большой маслёнкой в руках, из которой он время от времени смазывал механизмы, и его восклицания при этом «Ка-а-рош...». Сын Харальд был у него в помощниках. По их отъезду на родину обслуживал это Мартынов Иван Трофимович.

Сама мельница была в бревенчатом здании. Привод от локомотива был ремённый. Потом умельцы колхозные соорудили рядом пилораму, пользуясь тем же приводом, пилили берёзу и осину на доски для нужд колхоза, и личных...

Зерно высыпали во вращающиеся жернова в лючок прямо из мешка, для этого нужно было поднять его на помост, выходило оно из деревянного лючка внизу мукою, ещё тёплой, необычно аппетитно пахнущей, что собирали мы в мешки. До сих пор помнится – это создавало у меня приятное чувство праздничной надёжности, уюта. Не только у меня...

Вот с этой-то муки и пекла мама хлебушко.

Надо сказать при этом, что у колхозников не всегда хватало той муки из заработанного зерна, а бывало, приходилось молотить и на ручных жерновах. Дома были у нас такие, и при нужде, приходилось молотить и неочищенное овсяное зерно, но от него хлебушко получался «колючим. Кололо потом везде. Но всё же – хлебушко...

Белого хлеба мы тогда ещё не видели – мука получалась из цельного зерна – простого помола...

Отсюда и серый такой вкусный хлеб.

Чуть позже колхозники стали возить зерно на помол в город Куйбышев, откуда привозили «сеянку» – белую муку, из которой получался белый хлеб. Теперешние «знатоки» в Инете трактуют бесполезность белого хлеба тем, что «белую муку получают отбеливанием, примерно, так, как и белую материю» (дословно – посмотрите. Прим. автора В. Р. Вот уж знатоки!)

Вроде бы вкуснее стали калачи и булки, блины и крендели, куличи и баранки...

Пусть простят меня оппоненты – читатели за длинноты повествования, признаюсь, что целое написание были не это такое всё дорогое, до сих пор такое свежее в памяти моей, а качество нынешнего хлебушка, который мы с вами вкушаем. Да уж – увлёкся воспоминаниями, которые нелишне бы знать каждому подрастающему нашему гражданину или гражданке...

В последнее время вывезаемого ныне, далеко и не так доступного по цене хлеба, качество его отмечается далеко не лучшим. Откровенно говоря, часто хлеб, так распространённый и почитаемый на Руси продукт,

что мы покупаем, теперь даже бывает вредным для нашего организма. Об этом вторят – говорят учёные статьи. И наш опыт...

Так вот, к белому хлебушку, такому желанному, что так стремились колхозники – земляки на грани 50-60-х г., теперь прошлого столетия, ныне – серьёзные претензии со стороны медиков – бесполезен и вреден. Всё из-за того, что в нём отсутствуют многие витамины и микроэлементы, что содержатся именно в корочке каждого зёрнышка – которые в отсечке исчезают из нашего рациона с отрубями. Они-то безотказно обеспечивали жизнедеятельность – опыт жизни показал, что даже на одном таком хлебе из цельного зерна в критических ситуациях организм человека долго оставался здоровым и деятельным. Годами, А современные «быстрые» дрожжи – признаны несущими вред организму.

«Мамин хлебушко» – это родилось в моей душе совсем недавно – пожив и по-странствовал – вспомнилось. Не хватает какой-то радости в еде, что издавна генетически помнилась и брезжила в моём сознании. И закралось – кажется, не хватает самого необходимого – того хлебушка, что ешь и – есть хочется.

Не смотря на разные сорта и названия хлеба на прилавках, когда приглядишься – это подтверждается.

К примеру – вот сорта белого хлеба, свежеспеченного, вкусно пахнущего: высший, 1-й и 2-й. Если попробовать – все одного вкуса. Булочки отличны иногда, только по цвету – поджарены что ли в разной степени? Сразу после покупки на вид и вкус ещё терпимо – но вот назавтра частенько хлеб уже или крошится, или сломится. И вкус уже не тот, что был вчера.

А некоторые сорта ...

О сортах ещё – в советское время высший и 1-ый сорт – это были действительно из сеяной муки, а уж 2-ой сорт – из цельной. То есть – по питательным и медицинским показателям – то, что надо. И по вкусу чувствовалось. Хотя были эти сорта произведены уже на дрожжах. Тогда отечественных ГОСТов, советских – ещё.

А сейчас сорта хлеба ни о чем не говорят – обманка.

Но тогда и неукоснительно следили за качеством – зерна, муки, дрожжей, соли, составом, рецептурой и добавками. А сейчас – никто, всё по воле пекаря-производителя...

Кстати – ещё, тогда в любом совхозе на центральных усадьбах выпекался хлеб белый или серый очень высокого качества и вкуса, и причина, как правило – на закваске, или даже на тех советских дрожжах. Спросите – ещё многие знают, каков был на вкус тот хлебушко. И это было как бы престижем руководства любого хозяйства,

директора совхоза, обычно – на центральной усадьбе хозяйства выпекался такой вкусный хлебушко. Теперь такого хлебушка не попробуешь...

А теперь... некоторые сорта, чаще те, что пахнут солодом – чуть полежат – и... «залохматились» плесенью, да какой-то особой – она «мохнатая», ворсинки длинные, словно шерсть, и по цвету – на плесень непохожие. Знатоки объясняют, что это от «быстрых» импортных дрожжей, что используют нынешние владельцы пекарен для экономии времени и сил, или оттого, что ещё хуже – используется в новых замесах для выпечки хлеб нереализованный, зачерствевший. Кто скажет?

Кстати, о солоде. Кажется, им пользуются не только для выпечки сорта «Солодовник». Раздумья эти появились не случайно – но так получилось...

Случилось всё кряду покупать хлеба: «Ржаной», «Ароматный», «Солодовник», и вот – кажется, новенькое что-то – «Старорусский». Спрашиваю продавщицу – что за хлеб по составу? Ответ – пшеничная, с примесью ржаной муки. Но ... все четыре указанных выше сорта пахли солодом. Один к одному – и по вкусу, и по запаху, и по структуре. По окраске чуть различаются.

Что же выходит? Нет же – ржаной мукой не один даже и не пахнет. А пахнут – все солодом... да – солодом...

Нет хлебушка, похожего на мамин...

И вот – в Подмосковье, у оградки одного из монастырей вижу – серый хлебушко. Продавщица – монашенка, кажется, так душевно и ненавязчиво: «Хлебушко, хлебушко... мил человек... Возьми – не пожалеешь...» А голосок-то – и дома от супруги не всегда услышишь – так приветлив, так нежно играет нотками... Пройти просто так было невозможно. Вглядываюсь в продавщицу, да – черничка, за прилавком сразу и не разглядишь – поверх ещё накинут жакет вязаный. Прохладно ведь уже, и осень. Фартучек спереди неброский опрятный. Лет пятидесяти. Лицо под черным платом так миловидно, привлекательно, что ёкнуло сердечко жалостливо и с огорчением – сожалением: «Эк, какая! И ... в монастыре...»

Замечаю ещё хлебы – большие тёмные. Мой взгляд перехвачен: «Это – ржаной «Монастырский»... Не пожалеешь, всё просто – закваска да водичка, да – с молитвою...» И взгляд приветливый, такой домашний, что сердце опять ёкнуло: «Какая! ... ах..., а – в монастыре...»

Не взять оба хлеба было невозможно. Взгляд... Уходя, оглядывался не раз на приветливую монашенку...

А та, заметив это, едва улыбнулась и смиренно опустила очи свои долу – чин не позволяет...

Чёрная большая буханка оказалась действительно ржаной. Целых три кило, испечённых на поду, то есть – традиционно на горячих камнях – как в русской печи. По вкусу, конечно же, хорош, но тяжеловат для моего не совсем здорового желудка – простой рабочий хлеб, и пахнет по-настоящему – хлебом. Вторая булочка – маленькая, всего в 400 г, «Хлеб домашний», оказалась чудом – из муки простого размола, на закваске и пахла «маминим хлебом». И не только. Хлеб оказался такой вкусноты, что я просто налил воды в стакан и, не желая портить вкуса, прихлёбывая, умял краюху. Потом ещё и ещё – так я в тот день пообедал.

Водичка да – хлебушко. Настоящий, испеченный на поду, где «...просто – закваска да водичка, да – с молитвою...» А так вкусно...

Потом лежал и думал – случайно ли всё это – и назвал хлебушко маминим. В дальнейшем мне привозили такой хлебушко, только он назывался «Хлебушко домашний». Мелким в рецептуре значилось «из пшеничной муки цельного размола, на закваске». Такого же запаха и несравненного качества. Его можно было употреблять и с чем-то, и просто – как еду – с водичкой. И хранится он несравненно долго, сохраняя свои добрые качества до последнего ломтика.

Ешь, и – есть хочется.

Потом, чуть позже, мой знакомый, позвонил и в восхищении мне прокричал: «Знаешь, я в Омском монастыре такой хлеб купил! Ешь, и – ещё хочется! Простой размол, пшеничный, на закваске... Привёз вот – пятый день, а ему хоть бы что... ешь – и ещё хочется...»

Я спросил с иронией несколько: «Мамин хлебушко»? Был не понят: «Нет – «Домашний» называется». А потом был понят и: «Да-да, по вкусу – как мамин...»

Просто – мы оба из деревенского детства. И по возрасту, почти, и по вкусу хлебушка, что рос на колхозных полях, с деревянной рядышкой, который в нашем понятии «нужно заработать», испечён мамой, «просто – из пшеничной муки простого размола, на водичке, да на закваске... да с молитвою».

Кстати, у него мама тоже, по совпадению, работала почтальоном. Хоть жили мы в разных деревеньках...

А всё сказанное – взять бы нашим предпринимателям, что выпечкой занимаются, на заметку. И строго придерживаться этих заветов – рецептов монастырских, да наших дорогих мам.

Да – с любовью, да – с молитвою...